

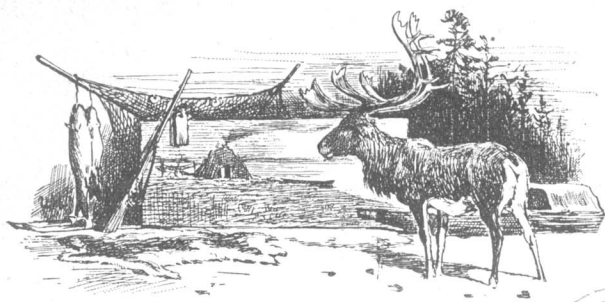
ЛОПАРИ.

Очеркъ. В. Харузиной.

(Въ 7 рис. и карту).

С.-Петербургъ.—1902 г.

248
386

92-19386-42.

ЛОПАРИ.

Очеркъ.

I.

Страна, въ которой живутъ лопари, называется Лапландіей. Она раскинулась на громадное пространство на самомъ сѣверѣ Европы и принадлежитъ частью Швеціи, частью Норвегіи, частью — Россіи. Русская Лапландія занимаетъ собою весь обширный Кольскій полуостровъ, который иначе и называется Лапландскимъ полуостровомъ. Съ обитателями этого полуострова, русскими лопарями, мы и познакомимъ читателей *).

Угрюмы и печальны скалистые берега этого полуострова, омываемые Ледовитымъ океаномъ и Бѣлымъ моремъ. Почти вездѣ совершенно оголенные, покрытыя

*) Всего лопарей около 25,000; изъ нихъ русскихъ лопарей — около 2000. Лопари, живущіе въ Швеціи, Норвегіи и Финляндіи, во многомъ сходны съ русскими лопарями.

лишь сѣдыми или желтыми пятнами лишайника, скалы, дико нагроможденные другъ на друга, глядятся въ непріютныя волны Ледовитаго океана. На нихъ, высоко надъ водой, лѣплятся водяныя птицы: чайки, гаги и гагары; здѣсь, на недоступной чело-вѣку крутизнѣ, онѣ вьютъ свои гнѣзда. Внизу, у подножья скалъ, бушуетъ океанъ, рѣдко спокойный и синій, чаще темно-зеленый, съ бѣлыми гребнями на беспокойныхъ волнахъ, или стального цвѣта, гроз-ный. Зимой по океану плаваютъ огромныя льдины, точно горы. Иногда онѣ съ трескомъ налетаютъ на берегъ и разбиваются о большія вѣковыя скалы. Такъ же скалисты и берега Бѣлаго моря, покрытые мѣстами темнымъ хвойнымъ лѣсомъ. Море спокойнѣе океана, и берега здѣсь менѣе дики.

Восточная часть Лапландіи—равнина, почти сплошь занятая тундрой. На сотни верстъ протянулась тундра, однообразная и скучная. Поросшая сухимъ, сѣро-зеле-нымъ ягелемъ—оленьимъ мхомъ, она издали кажется серебристой. По тундрѣ въ низкихъ берегахъ медленно текутъ къ морю и океану рѣчки и словно куски стекла лежатъ озера. Грусть на душу навѣваетъ тундра.

Западная же часть Лапландіи гориста и красива. На югѣ Кольскаго полуострова растутъ темныя хвойныя лѣса, къ сѣверу они пропадаютъ, и по го-рамъ разрастаются березовыя рощи. Чѣмъ дальше на сѣверъ, тѣмъ березы становятся ниже и тоньше,—

долгая зимняя стужа не даетъ имъ развернуться. На вершинахъ горъ тоже не всегда можетъ расти лѣсъ, и у многихъ лапландскихъ горъ вершины совершенно обнаженныя. На такихъ безлѣсныхъ верши-

1—островъ Моржовець, 2—Соловецкіе острова, 3—р. Тана, 4—р. Торнео, 5—р. Муонио, 6—р. Печенга, 7—р. Тулома, 8—р. Варauga, 9—р. Поной. 10—оз. Энаре, 11—оз. Имандра, 12—оз. Ковла, 13—оз. Пявю, 14—Топозеро, 15—оз. Кутюо, 16—оз. Улео, 17—г. Кола, 18—с. Кандалакша, 19—с. Варauga, 20—г. Кемь, 21—с. Сорочкая, 22—Сужскій пос., 23—г. Онега. 24—г. Холмогоры, 25—г. Архангельскъ, 26—г. Улеаборгъ, 27—г. Торнео.

нахъ пушистымъ ковромъ разстилается неприхотливый, не боящійся холода ягель. Эти горныя оленины пастбища называются „кегорами“.

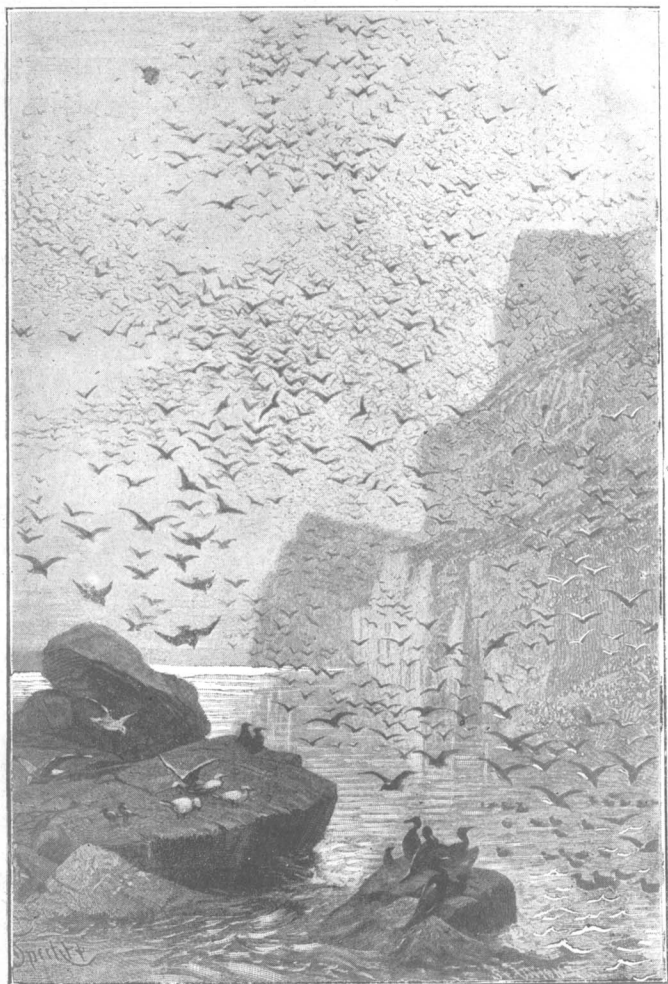
Здѣсь, въ западной части Лапландіи, такъ же, какъ и въ восточной, много рѣкъ и озеръ. Но они

гораздо красивѣе, благодаря своимъ гористымъ берегамъ. Въ водѣ, то прозрачно голубой, то свѣтло-сѣрой, отражаются лѣсистые горные склоны, горныя вершины и скалы, то темно-желтыя, то сѣро-зеленыя, поросшія ягелемъ.

Рѣки бурно и быстро несутся по руслу, загроможденному камнями, обломками скалъ. Порою рѣка наталкивается на большую, неприступную скалу и, прихотливо извиваясь, обходитъ ее, потомъ опять бѣжитъ по порогамъ, и вдругъ—громадный уступъ, каменистое ложе исчезаетъ, и рѣка низвергается внизъ, образуя высокій, красивый водопадъ, «падунъ», блестящій, бѣлый, ревущій, и бѣжитъ дальше, легко катясь по камнямъ.

Лѣтомъ гдѣ не хорошо? Хорошо и въ суровой, мрачной Лапландіи. Ея горы и лѣса, озера и рѣки пробуждаются. Зелено и тепло. Небо синее, на горахъ — голубая дымка тумана; появляются цвѣты и бабочки, жуки и муравьи копошатся среди травъ, мха и ягеля. На болотахъ сначала расцвѣтаютъ, а потомъ покрываются обильными ягодами клюква, голубица, морошка. Солнце не сходитъ съ неба ни днемъ, ни ночью. Днемъ оно припекаетъ иногда довольно сильно. Ночью разливается ровный бѣлый свѣтъ, при которомъ легко можно читать и шить.

Бѣда одна, что лѣто коротко въ Лапландіи—всего три мѣсяца длится оно. Затѣмъ наступаетъ осень, а вскорѣ за нею зима, утомительно долгая, донельзя

Птичьи горы въ Лапландіи.

суровая. Солнце вовсе не показывается. Стоит полная темень. Лютые морозы, страшныя вьюги царятъ тогда здѣсь. Снѣгъ глубокой и пушистый покрываетъ горы и долины, кегоры, тундры и болота. Склованы бурныя рѣки и многоверстныя озера. Отъ бѣлаго снѣга все же разливается нѣкоторый свѣтъ; свѣтъ даютъ и яркія, крупныя звѣзды. Иногда небо вспыхнетъ сѣвернымъ сіяніемъ—«сполохами», и огненные столбы размечутся во всѣ стороны по небу. Хоть и жутокъ ихъ огненный блескъ, но все же отъ нихъ немного свѣтлѣе.

Когда-то Лапландія была страной, богатой пушнымъ звѣремъ; водился тутъ и дорогой бобръ и куница. Неумѣлая, хищническая охота перевела дорогого звѣря. Но до сихъ поръ въ Лапландіи водятся медвѣди и волки, лисицы и росомахи, выдры, песцы, горностаи, бѣлки и зайцы. Было время, когда на тундрахъ и кегорахъ паслись стада дикихъ оленей; а теперъ трудно найти не мѣченнаго, не ручнаго оленя. Убавилось и лѣсной птицы — куропатовъ, рябчиковъ, дикихъ утокъ, хотя и теперъ ихъ еще много въ лѣсахъ и на озерахъ.

Хищническая рыбная ловля опустошаетъ также рыбообильныя лапландскія рѣки. Сиги, харіусы, налимы, окуни, ерши и щуки — вотъ главныя рыбы лапландскихъ рѣкъ и озеръ. Изъ моря же поднимается въ рѣки семга въ извѣстныя времена года для метанія икры. Въ это время рѣки перегоражи-

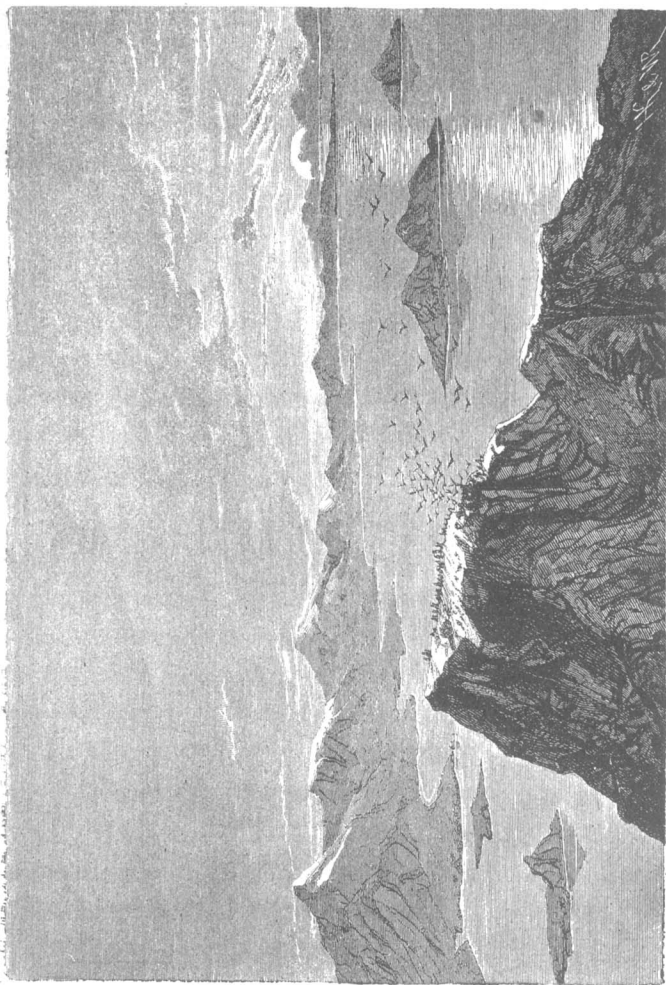
Въ Лапландіи.

ваютъ «заборами», въ которыхъ оставляютъ одинъ только проходъ, въ свою очередь, закрытый сѣтью. Семга, возвращаясь въ море, непременно попадаетъ въ руки рыболововъ. Ловятъ также семгу сѣтью и неводомъ ради икры; отъ этого количество вылавливаемой семги замѣтно уменьшается.

Тундры Лапландіи способны прокормить многочисленныя стада оленей. Лѣса и горы ея доставляютъ, или, по крайней мѣрѣ, доставляли въ прежнее время, богатую добычу охотникамъ. Озера и рѣки, океанъ и море щедро вознаграждаютъ труды рыболововъ. Ясно, что населеніе Лапландіи должно заниматься оленеводствомъ, охотой и рыболовствомъ. Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ: лопари кормятся отъ своихъ оленьихъ стадъ и звѣринымъ и рыбнымъ промысломъ.

II.

Некрасивый, малорослый и слабосильный народъ лопари. Лица у нихъ невзрачныя, сѣрыя; ноги короткія, согнутыя; движенія не отличаются ловкостью и красотой. Народъ это добродушный, веселый въ кругу своихъ, недовѣрчивый съ чужими. Очень обижали его издавна чужеземцы: шведы, норвежцы и русскіе промышленники. Они пользовались слабостью и беззащитностью лопарей, вымогали у нихъ задешево дорогіе мѣха и цѣнную рыбу, обманывали ихъ и

Озеро среди горъ въ Лапландіи.

спайвали. Лишенные всякаго образованія, лопари не могли и до сихъ поръ не могутъ противостать своимъ болѣе развитымъ и сильнымъ сосѣдямъ. вмѣсто того, чтобы бороться съ ними, отстаивать свои права, они старались удалиться отъ нихъ, за-таили въ себѣ недоувѣріе къ нимъ.

Слабый на видъ лопарь ведетъ, однако, мужественно и безропотно тяжелую жизнь, несетъ большую работу. Вѣрной помощницей ему въ его неприглядной жизни является его жена. Лопарки въ большинствѣ случаевъ гораздо живѣе мужчинъ. Онѣ работаютъ много, движутся быстро, онѣ ловки, веселы и болтливы. Въ то же время онѣ очень пугливы; со многими изъ нихъ отъ неожиданнаго шума или окрика дѣлаются припадки.

Лопари—народъ полукочевой. Въ прежнее время, когда у лопарей водились огромныя олени стада, когда послѣ какого-нибудь падежа можно было пополнить стадо дикими оленями, лопари принуждены были кочевать, слѣдуя за своими стадами. Олени отыскивали себѣ тундры, поросшія оленьимъ мхомъ, истребивъ въ одномъ мѣстѣ ягель, шли дальше, и т. д.; лѣтомъ же, когда въ Лапландіи появляется несмѣтное количество мошекъ, комаровъ и оводовъ, олени, невыносимо страдая отъ ихъ укусовъ, убѣгаютъ на высокіе кегоры или къ морскому берегу. слѣдуя за оленями, переходили съ мѣста на мѣсто и лопари.

При постоянныхъ перекочевкахъ нельзя было строить прочнаго жилья. Лопари жили поэтому въ шалашахъ, вѣжахъ — «кюитъ». Строили они ихъ и строятъ и теперь изъ жердей, поставленныхъ наклонно. Лопарская вѣжа четырехгранная, обложенная изнутри досками, снаружи дерномъ и хвостомъ. Вышиной она въ $2\frac{1}{2}$ — 3 арш. На полу устроенъ очагъ; дымъ выходитъ въ дымовое отверстіе наверху вѣжи. Въ такомъ жилищѣ холодно и копотно, дымъ ѣстъ глаза. Сидѣть приходится скорчившись на полу, на оленьихъ шкурахъ. Въ вѣжѣ тѣсно и грязно; постели, домашній скарбъ, одежда, снасти лежатъ какъ попало.

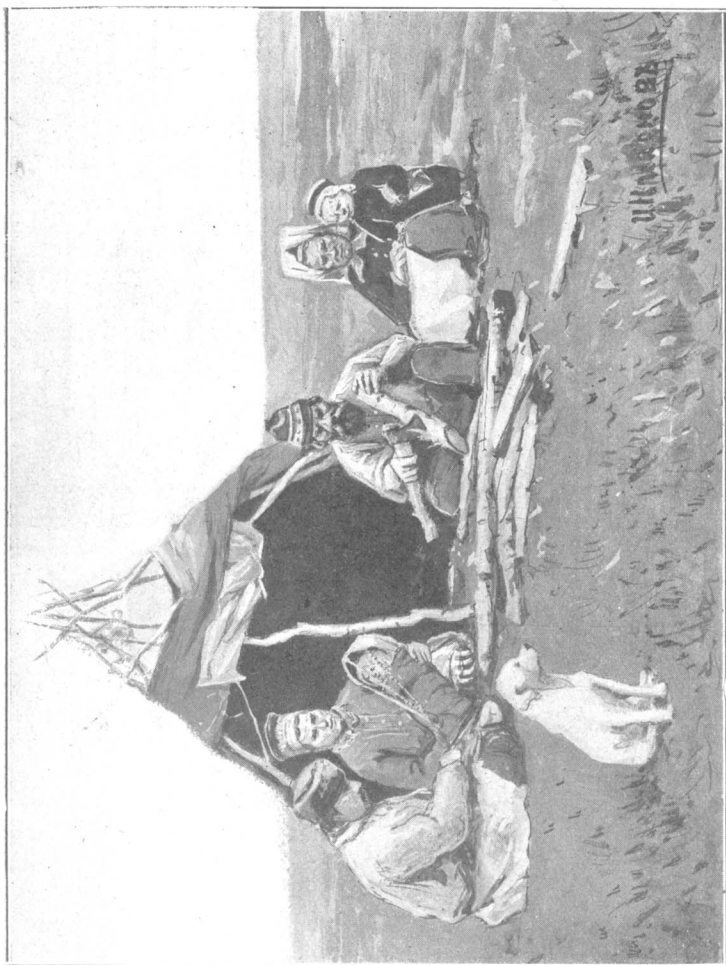
Когда стали уменьшаться олени стада, лопари начали заниматься больше рыбной ловлей. Жизнь ихъ измѣнилась нѣсколько и стала полусѣдлою. Теперь лопари живутъ по зимамъ въ «погостахъ», селеніяхъ. Зимнее жилище лопаря называется «пыртъ», или «тупа». Это четырехугольный деревянный срубъ съ плоской, слегка покатой крышей. Дверь пырта ведетъ въ небольшія сѣни. Изъ нихъ направо входитъ въ помещеніе для овецъ (лопари теперь держатъ овецъ), направо — въ жилую горницу. Здѣсь вмѣсто печки въ углу сложенъ камелѣкъ съ широкимъ дымовымъ отверстіемъ. Скамьи вдоль стѣнъ, столъ и полки — единственное убранство пырта. Полъ устилается древесными вѣтками. Хоть убога и ко-

потна лопарская тупа, все же въ ней теплѣе и удобнѣе, чѣмъ въ вѣжѣ.

Въ погостѣ и жить пріятнѣе. Съѣзжаются на зиму всѣ односеленцы. Есть что поразсказать изъ лѣтней жизни. Всѣмъ весело. Лѣтомъ много работали: наловили, засушили, навялили рыбы, настрѣляли дичи. Всѣ эти припасы сложены въ амбарахъ на столбикахъ, чтобы не добрался до нихъ хищный звѣрь. Можно и отдохнуть! На радостяхъ можно и оленя заколоть, полакомиться оленьимъ мясомъ и саломъ.

Но отдыхаетъ лопарь не долго, мѣсяца три-четыре, отъ Рождества до второй половины апрѣля, приблизительно, и затѣмъ снова начинается кочевая жизнь. Поднимаются около Егорьева дня всѣмъ погостомъ. Запрягаютъ узкія санки—кережки, нагружаютъ ихъ нужными припасами, снастями, орудіями, сажаютъ младшихъ дѣтей. Свѣсивъ правую ногу на лѣвый край кережки, лопарь правитъ своими шаткими санками, стараясь, чтобы онѣ не опрокинулись. Взрослые и старшіе идутъ пѣшкомъ. Слышенъ громкій разговоръ, смѣхъ, крики возницъ: „ги, го, ге!“ Путь широкій: снѣгъ все сравнялъ. Держи дорогу, гдѣ и куда хочешь. Заблудиться трудно: каждая семья знаетъ хорошо свое промысловое мѣсто и дорогу къ нему. И расходятся въ разныя стороны семьи.

На весеннемъ промысловомъ мѣстѣ лопарь остается приблизительно до Ильина дня. Послѣ Ильина дня

Лопари Кольского уѣзда.

онъ обыкновенно мѣняетъ мѣсто, а въ августѣ еще разъ перебирается на новое. Трудъ идетъ неустан- ный. Приходится временами оставлять и плохо за- щипленную вѣжу, отходить на нѣсколько верстъ, жить въ куваксѣ—походномъ шалашѣ, тоже изъ жердей, сходящихся наверху вмѣстѣ и обтянутыхъ паруси- ной; въ такомъ жильѣ и совсѣмъ холодно. Иной разъ уловъ настолько плохъ, что питаться семьѣ приходится одной «сосновой кашей» — жидкой ухой, въ которую всыпано немного муки и очень много вы- сушенной и истолченной сосновой коры. Лѣтомъ не- выносимо досаждаютъ комары и мошки. Уже ранней осенью начинаютъ моросить холодные дожди.

Въ это время олени лопарей распущены. Съ на- ступленіемъ лѣта они пасутся на волѣ, въ лѣсахъ, на кегорахъ. Въ началѣ октября, когда лежитъ уже глубокій снѣгъ, лопарь отправляется отыскивать своихъ оленей. Онъ беретъ въ руки колокольчикъ, сзываетъ своихъ собакъ. При помощи собакъ онъ довольно скоро находитъ оленей, которые бѣгутъ обыкновенно на звукъ колокольчика. Лопари утвер- ждаютъ, что олени узнаютъ своего хозяина, если только онъ повернется бокомъ; если же стать ли- цомъ къ оленямъ, они будто бы не узнаютъ чело- вѣка. Вообще, о качествахъ оленя, этого удивительно умнаго животнаго, лопари по справедливости высо- каго мнѣнія. Лопари любятъ своего кормильца. Придя

въ стадо, хозяинъ непременно подойдетъ къ каждому оленю, скажетъ ему что-нибудь ласковое. Каждый олень имѣетъ свое прозвище: Высокій, Щеголь, Ласковый, Бѣлошейка и др.

Но вотъ окончилось страдное время для лопарей. Снова начинаются сборы, на этотъ разъ радостные. Досчатые, похожія на лодочки кережки нагружены лѣтнимъ уловомъ; дорога въ погость, къ теплымъ пиртамъ кажется вдвое короче.

III.

Однообразно тянется жизнь лопаря. Пустынная, малонаселенная страна полна молчанія. Отъ погоста до погоста, отъ одного промысловаго мѣста до другого—многоверстное разстояніе. Случается проѣхать десятки верстъ по молчаливымъ лѣсамъ, унылымъ тундрамъ, топкимъ болотамъ, — и не встрѣтить ни души. Непривычному человѣку жутко и скучно.

Но лопарь не унываетъ. Онъ привыкъ къ безлюдью родного края, къ девятимѣсячной темнотѣ, къ свѣтлымъ ночамъ короткаго лѣта. Не жалуясь, исполняетъ онъ свою работу и за усталостью трудовой жизни мирится со многими ея невзгодами. Работы же у него всегда много, даже зимой.

Кромѣ рыбной ловли, главнаго занятія лопарей

Кольскаго полуострова, много времени уходитъ у мужчинъ на заботы о домашнихъ животныхъ: оленяхъ, овцахъ и собакахъ. Охота также требуетъ много времени, усилій и вниманія. Прежде лопари выходили на охоту вооруженные длинными, почти въ сажень, луками, сдѣланными изъ хвойнаго дерева; наконечники стрѣлъ изготовлялись изъ кости, рога или желѣза. Мелкаго звѣря били особыми стрѣлами, съ набалдашникомъ на концѣ, такъ что звѣрь падалъ мертвымъ отъ удара, а шкурка оставалась цѣлой. Были у нихъ въ ходу и самострѣлы и копья. Теперь лопари употребляютъ ружья. Они также ставятъ ловушки. Лисицамъ иногда подбрасываютъ отравленное мясо; но чаще разыскиваютъ лисьи норы и весной вытаскиваютъ оттуда маленькихъ лисятъ, которыхъ потомъ и выкармливаютъ. Такія лисицы называются кормяжными; ихъ потомъ убиваютъ и продаютъ мѣха. Этотъ способъ охоты нельзя одобрити: благодаря ему, истребляется звѣрь. За дикими оленями,—ихъ осталось теперь очень немного, преимущественно на горахъ внутри Лапландіи,—лопари гонятся на лыжахъ, или же къ сучьямъ дерева, мимо котораго долженъ пробѣжать олень, прикрѣпляютъ петлю, въ которую онъ и попадаетъ. Буропатокъ, гагъ и утокъ стрѣляютъ изъ ружья или ставятъ на нихъ силки.

Занимаются также лопари дубленіемъ кожъ, на

что употребляютъ кору березы или ольхи. Кожа идетъ на изготовленіе одежды и обуви.

Лопари нѣкоторыхъ погостовъ имѣютъ заработокъ въ г. Колѣ и въ становищахъ русскихъ поморовъ-рыбпромышленниковъ на Мурманскомъ и Терскомъ берегу; они рубятъ лѣсъ и свозятъ дрова въ эти селенія. Въ другихъ погостахъ занимаются извозомъ: ранней весной, когда глубокой снѣгъ еще покрываетъ Лапландію, а поморы уже направляются въ свои становища на рыбный промыселъ,—лопари на своихъ кережкахъ, запряженныхъ оленями, развозятъ ихъ въ различныя мѣстности Лапландіи. Путь бываетъ дальній, тяжелый, и нерѣдко и возчикамъ и путникамъ приходится выносить злую непогоду.

Таковы главныя занятія мужчинъ. У хорошей лопарки-хозяйки не меньше заботъ. На рыбномъ промыслѣ она такая же работница, какъ и мужчина. При переходахъ она вскидываетъ за плечи такую же „ташку“ (веревочный переплетъ), къ которой привязываютъ значительную ношу. На ней лежитъ обязанность обшить мужа и дѣтей, заботиться объ обѣдѣ, запастись дровами для топки и прутьями для постилки пола въ пыртѣ, мохомъ, которымъ устилаютъ дно зыбки, травой, которую кладутъ для мягкости въ обувь...

Лопарка носить всегда на своемъ поясѣ ключи отъ своего несложнаго хозяйства и вмѣстѣ съ но-

жомъ и костяной ложкой—костяной игольникъ и ножицы. Она обязана быть хорошей рукодѣльницей. Мѣховая зимняя одежда, въ прежнее время почти одинаковая у мужчинъ и женщинъ, сшивается толстыми нитками, приготовленными изъ оленьихъ жилъ. Яры,—высокіе сапоги съ заостренными носками, требуютъ особеннаго искусства отъ мастерицы. Они шьются изъ разноцвѣтныхъ полосокъ оленьей шкуры, между которыми пропускаются полоски яркаго сукна; при этомъ швы должны быть сдѣланы такъ, чтобы они не пропускали снѣга. Мужскія шапки зимнія шьются тоже изъ мѣха и украшаются треугольниками изъ разноцвѣтнаго сукна. Лопарки искусны также въ вязаньѣ: онѣ вяжутъ изъ шерсти такъ называемыя „бузурунки“ — теплыя фуфайки, надѣваемые мужчинами сверхъ рубашки, мужскіе лѣтніе колпаки, остроконечные, свѣтлосѣрые, съ пестрой каймой, и лѣтнія рукавицы.

Теперь одежда лопарей во многомъ походитъ на одежду русскаго крестьянина. Лопари переняли у поморовъ ситцевую рубашку, суконные или ситцевые штаны, кафтанъ и даже картузь. Лопарки лѣтомъ стали носить русскій сарафанъ, фартукъ, покрываться платками. Лопарскія дѣвушки носятъ, какъ и поморки, повязки изъ разноцвѣтной матеріи, шитыя бисеромъ. Но замужнія имѣютъ своеобразный головной уборъ, называемый «шамширъ» который покрыв-

ваеъ всѣ волосы и загнуть спереди какъ бы крючкомъ. Шамширь обыкновенно дѣлается изъ красной

Лопарь въ зимней одеждѣ.

матеріи и расшивается пестрыми лоскутами и бисеромъ. Вообще лопарки любятъ одѣваться въ яркіе

цвѣта, любятъ радиться, надѣвать ожерелья, серьги, владывать въ нихъ гагачьи и лебяжьи пушинки. Мужчины одѣваются въ темные, чаще всего сѣрые цвѣта.

Много хлопотъ хорошей хозяйкѣ-лопаркѣ и съ приготовленіемъ пищи. Въ достаточной лопарской семьѣ ѣдятъ четыре раза въ день. Въ 6 час. утра хозяйка подаетъ сыръ изъ оленьяго молока, молоко, соленую рыбу. Съ удовольствіемъ пьютъ и чай, очень крѣпкаго настоя, если есть возможность купить его; питье чая лопари переняли у русскихъ. Въ обѣдъ ѣдятъ обыкновенно уху и соленую или вареную рыбу. Въ 4 часа дня снова собирается семья вокругъ котла, а въ 9 час. вечера садятся ужинать. Печь хлѣбъ на лопарскомъ очагѣ невозможно,—поэтому лопари вмѣсто хлѣба употребляютъ ржаныя лепешки. Эти лепешки они пекутъ на каменныхъ плиткахъ, которыя ставятъ близко къ огню. Лѣтомъ мяса не приходится вовсе ѣсть, развѣ убьютъ на охотѣ птицу. Дичь варятъ или жарятъ на деревянномъ колышкѣ, который втыкаютъ близъ огня; колышекъ поворачиваютъ, когда птица изжарится съ одного бока. Зимой ѣдятъ оленье мясо, свѣжее, соленое или вяленое. Оленьимъ саломъ начиняютъ оленьи кишки и вывѣшиваютъ ихъ сушить; это—«пойда», любимое лопарское кушанье. Лапландія богата ягодами: брусникой, голубикой, морошкой, во-

Лопарка въ лѣтней одеждѣ.

роникой, и лопари истребляютъ ихъ въ большомъ количествѣ. Въ сожалѣнію, лопари имѣютъ большое пристрастіе къ водкѣ и норвежскому рому. Пьютъ и женщины. Пользуясь этой страстью, купцы и промышленники, которымъ лопари сбываютъ рыбу, спаиваютъ ихъ и обманываютъ.

IV.

И въ нешумной, однообразной жизни лопарей есть свои радости. Скрапивается эта жизнь прежде всего добродушной веселостью самихъ лопарей, ихъ довольнымъ, беззаботнымъ характеромъ, гостепріимствомъ и довѣрчивостью къ своему брату лопарю.

Одно изъ главныхъ удовольствій — пріѣздъ гостя. Вотъ стали издали слышны позвякиванья колокольчиковъ, вотъ залаяли отчаянно собаки погоста, — и узкія кережки быстро подкатили къ одному изъ пыртъ. Довольный хозяинъ встрѣчаетъ гостя. У хорошей хозяйки все заготовлено. Огонь горитъ постоянно въ камелькѣ; полъ устланъ свѣжими прутьями. Въ пыртѣ тепло и уютно. Есть также, чѣмъ угостить гостя. Начинаются разспросы, разговоры. Приходятъ сосѣди. Гость рассказываетъ все, что видѣлъ, что слышалъ. Такимъ образомъ, хотя поздно, но неукоснительно узнается все, что происходило въ отдаленнѣйшихъ погостахъ: кто къ кому посватался,

кто умеръ и какой смертью, у кого прибавилось или убавилось въ семьѣ дѣтей, въ стадѣ оленей...

Лопари очень любопытны и болтливы, да еще намолчатся они, наскучаются въ одиночествѣ на промысловыхъ мѣстахъ, — и рады случаю отвести душу.

Ѣздятъ другъ къ другу въ гости почти всегда зимой. Лѣтомъ у всѣхъ свое дѣло на умѣ; зима — пора отдыха. Лѣтомъ по Лапландіи можно ѣздить только по рѣкамъ и озерамъ; отъ рѣки къ рѣкѣ, отъ озера къ озеру приходится итти пѣшкомъ и тащить иногда волокомъ свою лодку; зимой — всюду проѣдешь въ быстрыхъ кережкахъ.

Зимой въ погостахъ, конечно, куда веселѣе, чѣмъ лѣтомъ. Дѣти и молодежь заводятъ игры. Въ прежнее время больше всего забавлялись бѣганьемъ взапуски, прыганьемъ, борьбой, стрѣльбой въ цѣль. Эти забавы сохранились мѣстами до сихъ поръ. Но постепенно лопари привыкаютъ къ другимъ играмъ, частью перенятымъ у русскихъ. Дѣвушки играютъ охотно въ лапту берестяными мячами; парни подбрасываютъ мячи ногой и въ мячъ играютъ всегда отдѣльно отъ дѣвушекъ. Изъ общихъ игръ въ ходу игра въ кольцо, въ веревочку и др. Нѣкоторые лопари, побывавшіе въ становищахъ поморовъ, научились даже танцамъ. Съ картами лопари тоже познакомились, сталкиваясь съ русскими и норвежцами.

Любятъ также дѣти, молодежь и взрослые слу-

шать рассказы стариковъ. Злучать старика въ какой-нибудь пыртъ, усадять поближе къ камельку, сами придвинутся къ нему. Услышать у сосѣдей, что въ такомъ-то пыртѣ сказки рассказываютъ,— глядь, ужъ полна народу небольшая горница. Между стариками есть умѣлые сказители, съ неистощимымъ запасомъ сказокъ. Сумѣютъ они рассказать и про солнцева дочь, и про солнцева сына, и про злую лягушку, и про бабкину дочь, которая играла съ солнцемъ и вышивала поясъ золотомъ и серебромъ. Все обьяснится въ сказкѣ: отчего попли дивіе и ручные звѣри, откуда взялись олени, отчего у лицъ глаза узкіе и т. д.

Но опытный рассказчикъ знаетъ не однѣ сказки и преданія. Слушатели услышатъ отъ него цѣлый рядъ «бывальщинъ» — случаевъ изъ дѣйствительной жизни, въ которыя, быть-можетъ, за давностью времени и вкралось нѣсколько прикрасъ. Нравятся „бывальщины“ слушателямъ не менѣе сказокъ. Многія изъ нихъ поучительны и рассказываются нарочно передъ молодежью, въ видѣ назиданія.

«Жили были, расскажетъ, напимѣрь, старикъ-сказитель,—лопарь да лопка, жили богато. У нихъ были двѣ дочери—красивыя, румяныя, бѣлыя, не высокія, не малыя ростомъ. Онѣ сидятъ каждый день въ шелковыхъ сарафанахъ, пштыхъ хазами *)» и

*) Хазы — нашивки.

въ повязкахъ, тоже изъ хорошихъ хазовъ, да перстни золотые у нихъ на рукахъ. Дѣвушки хоть и красивыя и богатыя, а говорить не умѣютъ—глупыя. Мать пошла разъ въ лѣсъ за ягодами ли или за чѣмъ другимъ и говорить: «Если женихи придутъ, не говорите ничего». — «Ладно, говорятъ, — ладно, не будемъ ничего говорить». Какъ мать ушла въ лѣсъ, онѣ вышли дрова колотъ. А у топорница привязаны колокольчики, чтобы слышно было, и колокольчики поютъ: «Саркъ, саркъ, саркъ». Женихи услышали это, и идутъ, — двое пришли. Онѣ дровъ накололи, положили въ камелекъ, зажгли, а сами сѣли у приступки. Сидятъ, губы жмутъ. Женихи пришли, поклонились дѣвушкамъ, подали руку и говорятъ: «Здравствуйте, хорошія дѣвушки!» Дѣвушки молчатъ, ничего не говорятъ. Мужики сѣли въ большой уголь противъ нихъ. Мужики сидѣли, сидѣли, — онѣ все молчатъ. Одинъ и говоритъ другому тихонько: «Это незавидныя невѣсты!» и спрашиваетъ: Что вы, хорошія дѣвушки, ничего не говорите съ нами?» Младшая заплакала и говорить: «Намъ мать ничего не велѣла говорить». А старшая сказала: «Мать намъ велѣла на жениховъ смотрѣть и молчать. А то, говорить, мы глупы: какъ заговоримъ, женихи и уйдутъ». Мужики шапки взяли, да унеси Господи, — послѣ и не приходили».

Беззаботный, здоровый смѣхъ вызоветъ подобный

разказъ. Долго будутъ хохотать слушатели, глядя другъ на друга веселыми и блестящими глазами.

Любятъ также лопари пѣсни пѣть. Пѣньемъ часто оглашается тишина лапландскихъ тундръ, рѣкъ и озеръ. Поютъ они однообразно и уныло; непривычному неприятно ихъ пѣнье. Поютъ про все, что услышатъ или увидятъ. Прослушаютъ, напимѣръ, бывальщину; хотя бы только что приведенную, начнутъ ее пѣть, — вотъ и пѣсня. Случится ли что-нибудь въ погостѣ, погибнетъ ли кто-нибудь въ морѣ, рѣкѣ или озерѣ на рыбной ловлѣ, поѣдетъ ли свататься, — сейчасъ сложится про это пѣсня. Въ пѣснѣ помянуть и имя и погостъ, разнесетъ пѣсня по всей Лапландіи, и узнаютъ изъ нея въ дальнихъ погостахъ, что лопарь Фофановъ изъ Потозерскаго погоста, напимѣръ, ѣздилъ свататься къ Маріи Лукерьевнѣ, что лопарь Филиппъ Ѳедоровичъ убилъ нечаянно кольскаго мужика, что у Трифона лопаря олень былъ Черный-Лобъ и т. д.

Больше всего вносятъ радости и оживленія въ жизнь погоста свадьбы. Онѣ и справляются обыкновенно въ зимнее время, когда вернутся всѣ въ свои селенія на отдыхъ. Едва санки со сватами пріѣдутъ въ погостъ, какъ всѣ жители его уже узнаютъ, кто это, изъ какого погоста и зачѣмъ пріѣхали. Начавшимся сватовствомъ всѣ интересуются. Всѣ радуются, если женихъ и невѣста хорошіе; если

же тотъ или другая не заслуживаютъ одобренія, — смѣются, безъ злобы, однако, но сочинять сейчасъ, чего добраго, бывальщину или пѣсню, — и пойдетъ опять молва изъ погоста въ погостъ, что лопарь Тимоѳей Максимовичъ, напримѣръ, «россомахины некрасивы ноги» поѣхалъ свататься: «на немъ шляпа кольская, у него сапоги скривились противъ солнца» (т.-е. ноги у него кривыя); или запоетъ, напримѣръ, пѣсня, что невѣста Татьяна Алексѣевна ужъ очень грязна и неопрятна. «Впрочемъ на Руси еще мыло есть, и норвежское прядено есть. Изъ прядена нужно мочалку сдѣлать, да фунтъ мыла издержать, да обмыть ее, — бѣлѣе будетъ. А если не будетъ бѣлѣй, то весной ее на снѣгъ положить: пускай бѣлится!»

Лопарь женится обыкновенно довольно поздно, жену беретъ по выбору. Онъ старается прежде всего достать себѣ въ домъ хорошую хозяйку и работницу. Поэтому бывальщины и пѣсни особенно прославляютъ разумныхъ, добрыхъ дѣвушекъ, которыя и въ родительской вѣжѣ и пыртѣ оказались трудолюбивыми, любящими чистоту, бодро берущимися за работу.

Въ разныхъ погостахъ справляютъ свадьбу по разному. Иногда поѣзжане, войдя съ женихомъ въ пыртъ, непременно съ молитвой, начинаютъ требовать «уточку — золотыя перышки», за которой они

пріѣхали. Ихъ не допускають къ невѣстѣ, пока они не задарятъ охраняющихъ ее. Мать невѣсты говоритъ жениху: «Я ее въ люлькѣ качала; у меня колѣни болятъ, надо полѣчить» — и женихъ кладетъ ей на колѣни подарокъ. Отецъ говоритъ, въ свою очередь: «Я ее малолѣтнюю кормилъ, теперь старъ сталъ, глаза болятъ, хлѣба доставать не могу» — и женихъ прикладываетъ ему къ глазамъ два серебряныхъ рубля. Затѣмъ уже женихъ ловитъ между гостями невѣсту-уточку. Въ другихъ мѣстахъ невѣсту одѣваютъ, выносятъ изъ пырта, кладутъ на кережку, привязываютъ ее и накрываютъ мѣхами и одѣялами, и съ шумомъ и крикомъ свадебный поѣздъ мчится къ дому жениха.

Вступивъ въ пыртъ мужа, молодая начинаетъ тотчасъ же считаться за хозяйку. Съ первыхъ же дней она принимается за работу и становится помощницей мужу въ его трудовой жизни.

У.

Лопари давно уже исповѣдуютъ православную вѣру. Изъ язычества въ христіанство они были обращены нѣсколько вѣковъ тому назадъ (XVI в.) трудами русскихъ иноковъ-пустынниковъ. Больше всего потрудились надъ просвѣщеніемъ лопарей иноки Θεодоритъ и св. Трифонъ Печенгскій. Св. Три-

фонъ многіе годы провелъ среди лопарей, устроилъ на р. Печенгъ монастырь и многихъ обратилъ въ христіанскую вѣру.

До того лопари были язычниками. Вотъ во что они вѣрили:

Небо они называли *Юбмелъ*; они считали его благимъ божествомъ. Но Юбмелъ неизмѣримо далеко жилъ отъ людей, онъ не былъ близокъ ихъ нуждамъ и печалямъ, — и они рѣдко приносили ему жертвы. Все-таки Юбмелъ былъ у лопарей верховнымъ божествомъ.

Остальные боги, — ихъ было очень много у лопарей, — дѣлились на болѣе и менѣе важныхъ.

Сильно почитали лопари бога солнца или само солнце — *Пейве*. Появленіе солнца надъ мрачной и темной землей оживляло спящую подъ зимнимъ холодомъ землю, давало радость людямъ. Благодѣтельный Пейве объѣзжалъ, по понятіямъ лопарей, небо; въ его кережки былъ утромъ впряженъ медвѣдь, въ полдень онъ его мѣнялъ на оленей. У солнца была мать, жена, дочь и сынъ. Много сказокъ и преданій ходило про нихъ у лопарей.

Грознымъ считали лопари бога грома — *Айеке*. Онъ, вѣрили лопари, ходилъ по тучамъ, держа въ рукахъ лукъ — радугу, и пускалъ громовыя стрѣлки въ нечистую силу. Случалось, болѣзнь падала на оленье стадо; лопарь хозяинъ вѣрилъ, что причина тому

колдовство. Тогда онъ обращался съ мольбой къ Айеке, — и колдунъ непременно долженъ былъ погибнуть отъ стрѣлы грознаго бога. Такъ твердо вѣрили лопари.

Свѣтлые, добрые боги, по понятіямъ лопарей, жили или на землѣ, или высоко надъ землей, выше другихъ — Пейве и Айеке, нѣсколько ниже — могущественный богъ *Мадератчъ* съ женой *Мадераккой*. Ни одинъ человѣкъ, думали лопари, не появлялся на свѣтъ безъ участія этихъ боговъ. Мадератчъ обносилъ новую душу вокругъ солнца и отдавалъ ее Мадераккѣ, и та творила тѣло ребенка. У Мадератча съ Мадераккой были двѣ дочери: *Уксъ-Акка* и *Саракка*. Мать передавала Уксъ-Аккѣ ребенка мальчика, а Сараккѣ — ребенка-дѣвочку. Очень чтили этихъ двухъ богинь лопарскія женщины и приносили имъ обильныя жертвы.

Много жертвъ приносили лопари и переменчивому грозному богу *Бодо-маю*, который распоряжался непогодой; старались умиловить жертвоприношеніями и *Фанноса-олбмака*, въ рукахъ котораго была буря. Особое божество, по вѣрованіямъ лопарей, охраняло рыбъ, другія давали богатый уловъ рыбы обращавшимся къ нимъ за помощью; особое божество охоты охраняло лѣсныхъ животныхъ, кромѣ медвѣдя, надъ которымъ у него не было власти; этому богу охоты и утромъ и вечеромъ пѣли лопари священныя пѣснопѣнія.

Добрыми покровителями оленьихъ стадъ считалась «оленья хозяйка» *Луотъ-хозикъ*, жившая на тундрахъ, лицомъ похожая на женщину, но обросшая шерстью, какъ олень, и два духа, мужъ и жена— *Поць-хозинъ* и *Поць-хозикъ*. Жилище лопаря, по върованію лопарей, хранилъ духъ покровитель— *пертъ-хозинъ*. Въ лѣсу жилъ *Мець-хозинъ*, хозяинъ лѣса. Онъ не дѣлалъ вреда людямъ, если его не трогали; если же кто кричалъ и шумѣлъ въ владѣніяхъ лѣсного хозяина, онъ безжалостно заводилъ путника. Въ рѣкахъ и озерахъ, думали лопари, обитаетъ *Саціенъ* съ своими дѣтьми. Сама Саціенъ красивая, лицо у нея бѣлое; прекрасные черные волосы она расчесываетъ гребнемъ.

Въ мрачномъ подземномъ царствѣ жили, по върованіямъ лопарей, темные, злые боги. Когда умиралъ лопарь, его душу отводили въ страну мертвыхъ, во владѣніе матери смерти *Ябме-акко*. Здѣсь душамъ умершихъ давали новое тѣло, и если они при жизни дѣлали добрыя дѣла, ихъ снабжали оленями и собаками, и они вели сытую, довольную жизнь; но если новоприбывшій въ страну смерти былъ при жизни недобрымъ человѣкомъ, Ябме-акко отсылала его глубже подъ землю, къ мучителю грѣшныхъ— *Ротъ*. Рота былъ злымъ божествомъ; недаромъ лопари старались ублажать его жертвами: это онъ насылалъ болѣзни на людей и на ихъ оленей.

Кромѣ того, лопари вѣрили еще, что вездѣ: въ лѣсахъ, на горахъ и кегорахъ, на тундрахъ и болотахъ, жило множество духовъ. Одни изъ нихъ были добрые, прекрасные мужи; другіе, черные мужи дѣлали вредъ людямъ, поднимали бурю и вѣтеръ, причиняли болѣзни, выдаивали молоко у оленей. Одни изъ нихъ представлялись лопарямъ карликами, другіе великанами, третьи безглазыми. Одни на высокихъ кегорахъ пасли огромныя стада оленей и овецъ, которыми можно было овладѣть при помощи хитрости и колдовства; тѣла другихъ были наполнены серебромъ, и оно становилось достояніемъ того, кто сумѣлъ бы заставить ихъ замерзнуть и лопнуть.

Своимъ богамъ, злымъ и добрымъ духамъ, лопари приносили многочисленныя жертвы. Обыкновенно жертвоприношенія совершались каждымъ, по его желанію. Лопарь прежде всего узнавалъ, какого животнаго требуетъ отъ него божество. Для этого почти въ каждомъ лопарскомъ жилищѣ хранился священный бубень.

Священный бубень дѣлался изъ дерева, растущаго посолонь. Онъ имѣлъ видъ рѣшета, обтянутаго оленьей шкурой, съ которой удалена шерсть. На шкурѣ рисовали изображенія звѣрей и птицъ, а также и черточки, квадраты и т. д., знаменовавшіе разныя божества: солнце, громового бога и т. д. Гадали по священному бубну слѣдующимъ образомъ.

На средину бубна клали кольцо и начинали ударять по бубну колотушкой деревянной или изъ оленьяго рога. Кольцо прыгало на туго натянутой шкурѣ, и, смотря по тому, куда оно передвигалось, рѣшали, какому божеству и какую слѣдуетъ приносить жертву. Во время гаданья пѣли: «Что ты скажешь, нашъ великій, святой богъ? Принимаешь ли ты жертву?» и т. д.

Бывали и торжественныя жертвоприношенія, на которыя собиралось иногда значительное число лопарей. Женщинамъ не позволялось при этомъ присутствовать. На этихъ торжествахъ гадали на бубнѣ и закалывалъ жертву *нойда* — колдунъ-шаманъ.

Нойда для жертвоприношенія надѣвалъ лучшія свои одежды, цѣпи, поясъ и кольца. Ему приводили или приносили жертвенное животное: дикаго оленя, куницу, бобра, кошку, собаку и т. п., и онъ закалывалъ его. Мясо жертвы онъ рѣзалъ на куски и клалъ въ котелъ. Черезъ нѣкоторое время онъ вынималъ часть мяса и зарывалъ его въ землю. Остальное варилось до готовности. Нойда въ это время молился вмѣстѣ съ присутствующими. Затѣмъ онъ произносилъ: «Это жертва такому-то богу» и дѣлилъ между молящимися переднюю часть жертвеннаго животнаго. Кости жертвы тщательно собирались всѣ до единой. Ихъ клали затѣмъ въ берестяной ящикъ, который окропляли кровью. Ящикъ хоронили въ землю. Лопари вѣрили, что божество впоследствии

воскрешаетъ принесенное ему въ жертву животное. Иногда надъ зарытымъ ящикомъ ставили берестянаго идола того бога, которому была принесена жертва, для того, говорили лопари, чтобы другой богъ не подумалъ, что жертва эта принадлежитъ ему.

Свѣтлому Пейве-солнцу закалывали въ жертву лишь бѣлыхъ и молодыхъ животныхъ, еще не имѣющихъ роговъ; ему въ срединѣ лѣта приносили и жертву некровавую—кашу, при чемъ колѣнопреклоненно просили его ниспослать тепло и свѣтъ на молящихся и на ихъ оленей. Покровительницѣ женщинъ Саракѣ жертвовали однѣ лишь женщины, и жертвенное мясо могли ѣсть лишь онѣ. Мрачнымъ подземнымъ богамъ закалывали чаще всего черныхъ кошекъ. Грозные и злые боги эти требовали иногда и человѣческихъ жертвоприношеній, и такія жертвы приносились, по преданію, лопарями.

Иногда вмѣсто животныхъ приносили богамъ въ жертву одни изображенія животныхъ. Дѣлали фигуру оленя, лисицы, бобра и т. п. и зарывали ее въ землю и въ снѣгъ, а иногда просто прикрывали хворостомъ. Иной разъ вмѣстѣ съ жертвой закапывали и небольшое, нарочно для этого сдѣланное изображеніе божества.

Идоловъ у лопарей было немного. Они ставили идолы громовому богу Айеке и др. Изображенія Айеке дѣлались всегда изъ березы: туловище изъ ствола, голова изъ корней дерева. Святилище Айеке находилось обыкновенно близко отъ вѣжи лопаря. Тамъ стоялъ досчатый столъ. Вокругъ него были воткнуты вѣтви бе-

резы и сосны. Дорогу отъ вѣжи къ святилищу усыпали березовыми вѣтвями, листьями и сосновыми иглами.

Повлонялись также лопари и приносили жертвы священнымъ камнямъ — *сейдамъ*. Такіе камни ставились на берегахъ рѣкъ и озеръ, на высокихъ и уединенныхъ горахъ. У каждой лопарской семьи былъ свой сейдъ-покровитель. Существовали и болѣе могущественные сейды, къ которымъ обращались съ молитвой нѣсколько семей и родовъ. Сейды, по вѣрованьямъ лопарей, помогали имъ на охотѣ, рыбной ловлѣ, въ дальнихъ поѣздкахъ. Лопари приносили имъ за это жертвы: мазали камни жиромъ и кровью. Если же камень-сейдъ мало оказывалъ имъ помощи, они переставали его ублажать, иногда били его, иногда откалывали отъ него кусокъ: отъ этого будто бы сейду было больно, и онъ долженъ былъ образумиться.

Большое значеніе въ жизни лопарей имѣли ихъ колдуны-шаманы — *нойды*. Они пользовались большимъ уваженіемъ. Къ нимъ обращались въ трудныхъ случаяхъ жизни. Лопари вѣрили, что нойды могутъ посылать бурю и непогоду, могутъ лѣчить отъ болѣзней, узнавать о пропажахъ, отгадывать будущее и т. д. Они вѣрили, что у каждаго нойды есть ему подвластные духи, которые принимаютъ видъ птицы, рыбы, оленя. При помощи ихъ нойды могли будто бы странствовать всюду, спускаться даже въ подземную страну. Это путешествіе лопари представляли себѣ очень страшнымъ: спускаться приходилось черезъ тре-

щины земли и глубокия озера, въ подземной странѣ жили старухи-людоѣдки, иногда нойду не хотѣли отпустить назадъ на землю, и т. д. Во время своихъ путешествій нойда будто бы видѣлъ и спрашивалъ различныхъ боговъ, духовъ и мертвецовъ.

Искусство колдовства обыкновенно переходило отъ отца къ сыну, но можно было и научиться ему: къ извѣстному своей силой нойдѣ сббирались ученики; они жили съ нимъ, всюду сопровождали его, постепенно сами научались колдовать. Нѣкоторые думали, что ихъ избирали сами духи. Случалось, что во время какой-нибудь болѣзни лопарь начнетъ бредить, увидить сонъ, поразившій его, и рѣшаетъ послѣ этого, что духи велятъ ему стать нойдой. Онъ дѣлается пугливымъ, пугается стука, крика, съ нимъ начинаются припадки. Лопарь не понимаетъ, что это болѣзнь, которую можно вылѣчить; ему кажется, что это въ него вселилась невѣдомая сила. Вѣря самъ, онъ невольно становится обманщикомъ: колдовалъ, лѣчилъ и напускалъ болѣзни, гадалъ, а другіе вѣрили ему.

Нойда священнодѣйствовалъ всегда при помощи бубна. Онъ самъ колотилъ въ бубень, присутствующіе ему поддѣвали. Нойда начиналъ бить сначала тихо, потомъ скорѣй и скорѣй. Онъ пѣлъ и зывалъ къ божеству. Наконецъ, съ нимъ начинались судороги, потомъ корчи, потомъ онъ падалъ на землю замертво. Никто не понималъ, что это жесточайшій припадокъ; всѣ думали, что душа нойды отлетѣла

и пустилась въ свои странствованія. Продолжали пѣть, но осторожно отмахивали все время отъ нойды мухъ и боялись дотронуться до него: если бы что-либо коснулось въ это время нойды, онъ могъ, вѣрили лопари, умереть. Нойда лежалъ безъ движенія очень долго, затѣмъ понемножку приходилъ въ себя. Онъ глядѣлъ на всѣхъ мутными глазами и начиналъ рассказывать все, что ему представлялось во время припадка: гдѣ онъ былъ, что видѣлъ, что ему сказали боги и духи. Никто не сомнѣвался въ его словахъ, всѣ вѣрили въ его силу. Нойдовъ боялись: суевѣрные лопари думали, что разсерженный нойда можетъ надѣлать много вреда: въ его власти удержать попутный вѣтеръ, остановить на ходу лодку и даже корабль, послать на своего врага порчу, пустивъ ему въ догонку по вѣтру волшебный катушекъ или шаръ.

Христіанство лишь медленно проникало въ пониманіе полудивныхъ лопарей. Многіе изъ древнихъ лопарей крестились, но не прекращали приносить жертвы своимъ старымъ богамъ. Трудно имъ было и понять сразу сущность новой, истинной вѣры. Истиннаго Бога они долго смѣшивали съ божествами языческими. Въ честь истиннаго Бога они, въ простотѣ сердца, закалывали жертвенныхъ животныхъ, думая, что этимъ можно угодить Ему, какъ прежнимъ богамъ, и въ то же время рисовали на своихъ идолахъ кровью жертвенныхъ животныхъ кресты, чтобы этимъ освятить ихъ. На священныхъ бубнахъ они также

рисовали кресты и значки, которые обозначали Христіанскаго Бога и святыхъ, и гадали по нимъ такъ, какъ гадали прежде по изображеніямъ своихъ боговъ.

До сихъ поръ лопари отличаются суевѣріемъ. Это и не удивительно: въ Лапландіи церквей и школъ очень мало. Лишь недавно переведено на лопарскій языкъ Святое Евангеліе. Священники рѣдко объѣзжаютъ погосты и промысловыя мѣста: надо принять во вниманіе трудность передвиженія по Лапландіи. Ребенокъ, родившійся на лѣтнемъ или осеннемъ промысловомъ мѣстѣ, остается иногда безъ крещенія нѣсколько мѣсяцевъ. При короткихъ наѣздахъ священники не успѣваютъ хорошо научить своихъ прихожанъ истинамъ православной вѣры; лопари же за дальностью разстоянія и за недосугомъ лишь рѣдко посѣщаютъ церкви.

Давно уже истреблены идолы, забыты священные камни и исчезли священные бубны, — а все же много языческаго сохранилось въ вѣрованіяхъ современныхъ лопарей. До сихъ поръ въ Лапландіи можно встрѣтить очень много нойдовъ — людей, вѣрящихъ, что они могутъ колдовать, изгонять и напускать болѣзни. До сихъ поръ лопарь боится въ лѣсу потревожить лѣсного хозяина, вѣритъ, что его можетъ утащить подъ воду Саціенъ. Надо надѣяться, что съ постройкой новыхъ церквей и новыхъ школъ просвѣщеніе лопарей подвинется быстрѣе и по вѣрному пути

В. Харузина.